

Гуманитарная экспертиза должна быть востребована государством!

***Интервью члена-корреспондента РАН, декана философского факультета МГУ
В.В.Миронова***

На столетие Московского университета в нем был закрыт факультет философии после известной резолюции министра народного просвещения Российской империи П.А. Ширинского-Шихматова: «польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден». Но, может быть, еще удивительнее обстоятельства его воссоздания – это произошло 25 декабря 1941-й года! Бои с фашистами шли там, где сейчас «ленинградка» пересекается с МКАД. Чем руководствовался тот, кто в этот момент готовил проект воссоздания философского факультета? Что думал тот, кто занес перо для его подписания? Непостижимо! Так или иначе, философы всей нашей страны отмечают 70-летнюю годовщину воссоздания философского факультета в стенах МГУ им. М.В. Ломоносова.

– Владимир Васильевич, как факультет будет праздновать дату своего воссоздания?

– Юбилейные мероприятия – большая развернутая программа. Мы – философы, мы любим философию как форму мышления, любим общение с коллегами. Поэтому и юбилейные мероприятия – это будет праздник общения! Вокруг пленарных заседаний запланировано множество круглых столов, свободных дискуссий, презентаций. Своеобразный карнавал философской общественности. У нас будет очень хорошая торжественная часть: капустники, концерты... Дом Музыки обещал организовать концерт.

– Давайте воспользуемся поводом, чтобы поговорить о главном – о философии. Начнем с самых простых, вечных вопросов. Многие, например, искренне убеждены, что философия вообще не нужна.

– Философия остается востребованной, поскольку вырастает из внутренней потребности человека: в какой-то момент он осознает, что есть проблемы, не решаемые ни с помощью науки, ни с помощью религии, ни на индивидуальном уровне. Помните, по Ясперсу: приходит время, когда человек начинает осознавать трагичность своего бытия. Мы стремимся жить и познавать и – мы конечны. Смерть граничит с человеческим существованием, но есть и необходимость жить. Человек – песчинка – претендует на познание космоса. А порой пытается сравняться с Богом – вечная гордыня.

– Но разве академическая философия не выхолащивает это глубинное вопрошание, философствование?

– Распространенная точка зрения. Впрочем, элементы этого присутствуют. У Шопенгауэра даже есть работа, посвященная критике академической философии. Увы, не всегда то, что неакадемично, обязательно лучше. Хорошо бы, конечно, ничего не заканчивать и сразу начать «философствовать». Но рискуешь вместо оригинальной концепции изобрести велосипед. Гегель говорил о «царском пути» постижения философии: не утруждая себя чтением толстых книг, а лишь просматривая оглавление и аннотацию – так в любом салоне можно выглядеть как философ. Но это видимость – что философию не нужно изучать. Изучать нужно, поскольку она опирается на то, что достигнуто в истории. Впрочем, и наоборот: можно закончить университет и не быть философом. В наших дипломах пишется: «Философ. Преподаватель философии». В отношении второй части записи мы, факультет, даем некоторые гарантии, а вот станете ли вы по окончании факультета философом?

– А философская профессура свободна от заблуждений в самоидентификации?

– К сожалению, нет. Порой человек формально является профессором (и у нас на факультете тоже) и при этом позиционирует себя в качестве «свободного философа». Тогда откажись от звания профессора, от зарплаты и – философствуй! Нет-нет, это лишь поза, поскольку половина имиджа и статуса зависит не только от имени, но и от причастности к академическому сообществу. Или другая крайность: человек облекает мысли в смутные, никому не понятные выражения – мол, чем меньше людей меня понимает, тем более я «философичен». Философия для таких людей – беседа с самим собой, с зеркалом. Гегель, кстати, относил это к предрассудкам здравого смысла. Рассуждать сложно – проще, чем рассуждать просто и понятно.

– И все же нельзя отрицать, что философия, которую преподают, и философия, которой занимается исследователь – отличаются.

– Верно. Даже знаменитые лекции Гегеля, которые мы сегодня читаем, он сам в университете не читал, а читал лекции по учебнику, который, говоря современным языком, тогда считался «госстандартом» (Вольфа, к примеру). И Кант говорил, что есть два типа философии. Первый – философия школярская (в позитивном смысле), т.е. философия, которую должен знать каждый человек, получающий образование. Она, как считал Кант, должна присутствовать в школьной программе. А второй тип – это философия в ее всемирно-историческом значении, она определяет цели человеческого разума. И в этом смысле стоит над наукой, поскольку наука опредмечена, а философия способна показать, куда идет развитие, чем оно определяется. Кант оказался глубоко прав, до сих пор многие европейские системы образования так и построены: например, в немецких гимназиях (в них учатся 13 лет) в 10-12 классах изучают философию. А философия во всемирно-историческом значении – это уже университетская философия.

– Вы упомянули науку. Сегодня многие граждане не на шутку боятся экспериментов ученых – с клонированием, с коллайдером и т.д.

– Да, современная наука столкнулась с проблемой, которая раньше игнорировалась – с этической стороной научных открытий. К примеру, когда сбросили бомбу на Хиросиму, Роберт Оппенгеймер сказал: «мы выполнили работу дьявола». Пришло время при внедрении инноваций решать этические проблемы, т.е. на наших глазах возникает прикладная этика, «гуманитарная экспертиза». У профессионалов, узких специалистов, как правило, зачастую даже не возникает вопросов – как повлияет на человека то, что они делают. Недавно декан медицинского факультета меня спросил: «Что будет, если человеческую жизнь продлят до 120 лет? На улицах будут одни старики и больные». О подобных последствиях следует подумать заранее. Рождаемость низкая, вокруг столетние люди, в основном, склеротики – страшная картина! Или проблема эвтаназии, она сейчас опять активно обсуждается: мучить больного до 150 лет или как-то социально оформить, как бы некрасиво это не звучало, его уход из жизни?

– **Вопрос про сегодняшний день философии. Не очень понятна постсоветская философская парадигма: некоторые еще настаивают на советском истмате-диамате и отрицают все иное, а другие, наоборот, отрицают, что в советские времена вообще была философия и превозносят постмодернизм...**

– Философия зиждется на свободном мышлении. Вы можете существовать в самом тоталитарном режиме и быть свободным. И наоборот, человек может быть абсолютно несвободен в любом внешне демократичном и либеральном обществе. Многие наши коллеги сегодня, увы, выглядят очень несвободными. Потому что весь наш современный российский постмодернизм – лишь плохая калька с Запада. Там к постмодернизму относились скептически, а у нас его раздули. Переносим на нашу почву то, что, может быть, не особо вписывается в наш культурный контекст – весьма характерная подражательная черта русского менталитета. Считаю, что постсоветская парадигма пока не сформировалась, по крайней мере, никаких глубоких самостоятельных трудов не вижу.

– **Еще одна вечная тема – философия и власть.**

– У философии с властью всю историю человечества отношения выстраивались сложно. Философ, с одной стороны, опирается на достижения культуры, является ее хранителем, а, с другой – философ всегда разрушитель. Сократ был осужден довольно демократическим обществом. А Аристотель осужден – за безбожие. Примеров таких судеб – множество. Пока философия устраивает власть, власть ее использует – скажем, для фундаментализации начинаний, конструкций, реформ, модернизаций. Как только философ проявляет свою внутреннюю свободу и становится слишком независимым, власть поступает с ним известным образом – вплоть до пароходов, на которые философов сажают и выдворяют из страны.

Философ при любом общественном порядке, словно ребенок – над ним не тяготеют культурные стереотипы, и он не стесняется задавать самые неожиданные, подчас неудобные вопросы.

– Может, философия должна быть дистанцирована от власти?

– Это старый (и, кстати, мой любимый) тезис. Что под этим имеется в виду? Во-первых, то, что если ты сливаешься с властью «в политическом экстазе», то сразу как философ теряешь свободу, поскольку зависишь от конкретного начальника, от конкретного политика. Во-вторых, философ, мыслитель не должен нести ответственность за то, как его идеи препарируют властные инстанции. Философия Ницше была краеугольным камнем фашистской идеологии, но вряд ли можно упрекнуть Ницше, что он идеолог фашизма. И также – музыка Вагнера использовалась фашистским режимом, а теперь по этой причине запрещена в Израиле, но разве Вагнер был в том виноват? А, в-третьих, философия, как Сова Минервы, летающая по ночам, дистанцирована от власти еще и в том смысле, что ей дано право наблюдать, делать предсказания, анализировать, критиковать. Конечно, было плохо, когда философия была впрямую втянута в идеологию, когда собирали профессоров, отвозили на дачу, они там писали очередной партийный опус. Сейчас, наверное, делают то же самое, только кадры собирают не из философии, а из других сфер. Философия не должна обслуживать власть, она должна давать аналитику, экспертизу.

– А власть ждет этой аналитики, экспертизы от философов?

– Здесь произошел какой-то такой разлом. Ответ на ваш вопрос – нет. Хотя философ, который занимается анализом, критикует, предлагает что-то, делает прогнозы, т.е. выполняет экспертную работу – ожидает реакции властей. Разумеется, никто из философов не требует, чтобы его экспертную работу непременно приняли сразу к делу, но, по крайней мере, есть ожидание, что экспертную работу рассмотрят.

Однако, удивительно, нынешние российские философы столкнулись с «вакуумом»: ощущение, что все, что мы обсуждаем – не очень власти нужно, философия как бы на периферии.

Мы много беседуем, обсуждаем, но – друг с другом. Отчасти я даже понимаю людей, которые делают реформы (а там есть умные люди): что бы они ни делали, их в любом случае будут критиковать. И это как бы создает внутренний панцирь – поскольку это так, то я могу делать что угодно.

Во властных сферах, кстати, сидят какие-то свои приглашенные философы, которые выстраивают идеологию страны, концепции развития – мы их даже не знаем. И они не особенно-то обсуждают свои разработки – про миссию нашего государства, про особенности и закономерности современного этапа и т.д. Ими создаются бесчисленные институты и институтики. Нам по телевизору представляют – директор института такого-то, потом по интернету узнаешь, что институт этот состоит из двоих: из него и секретарши. Но главное – нет

обсуждения! Возникает какая-то доморощенная философия! Кстати, если потом что-то не так в стране произойдет, обвинят философию как таковую, и нас в том числе.

Отчасти вакуум, какой сегодня образовался во взаимоотношениях философии и власти, чем-то даже комфортен – вы нас не трогайте, а мы дадим вам спокойно развиваться, набирайте студентов на философский факультет, пишите диссертации. Но мы же видим, что происходит!

– Есть нечто, что является предметом тревоги?

– Вот объявили ЕГЭ – почему бы не обсудить это с широким кругом общественности, в том числе с философией? Ведь у нас действительно во всей этой реформе отсутствует «философия образования»: что такое для нашей страны сегодня образование, куда мы в этой сфере идем? Неужели так просто: коммерциализировали сферу образования – и на этом все? Ведь образование – системообразующая часть культуры! Как сегодня людей образуем, таких и получим послезавтра юристов, экономистов, философов, политиков, которые в своем понимании, в своих действиях будут исходить из не очень хорошо освоенного предшествующего материала. И неизбежно последуют открытия велосипедов.

Вместо того, чтобы делать учащихся знающими, умными, компетентными мы переводим их на систему натаскивания. Вот тест для первого класса: в пяти картинках нарисованы по три человека – мужчина, женщина и ребенок, и одежды из разных этнических групп – евреи, русские, чеченцы и т.д. Ребенок должен вырезать одежду и наклеить – какая одежда кому подходит. Это кто ж до такого додумался?! Вместо того, чтобы формировать у маленького человека мировоззрение, что мы живем в одной стране, что нам не надо различать – у кого какие глаза, какое лицо, мы заставляем детей с первого класса различать еврея по завитушкам пейсов. Что же мы хотим – что должно произойти вследствие такого образования?

Возьмем другую сторону ЕГЭ. Допустим, человек не очень хорошо учился в школе и вдруг, спустя десять лет, одумался, решил учиться. А ему дорога закрыта: надо сдавать ЕГЭ! Сдаст ли он его после десяти лет работы на производстве? Да и какой смысл? Ведь министерский замысел ЕГЭ в том, что с его помощью проверяют школу. То есть, по логике, суть не в его знаниях, а в проверке его школы десятилетней давности. А страдает человек!

Я сам в университет поступал через рабфак и ко мне в свое время приезжали голландцы, интересовались – как в советское время была выстроена система рабфака? Они интересовались этой системой как системой реабилитации.

Почему мы таким людям сегодня закрыли дорогу? Она открыта только тем, кто закончил школу сегодня или вчера. И все! Остальных уже отсеки от образования. Так расширяется прослойка людей, которые недовольны – а это чревато социальными последствиями. Вот этого я не понимаю!

Образование, к тому же, еще и перестало выполнять функцию социального лифта. Я, как человек, проживший в бараках, воспитанный одной мамой, сегодня

к вузу даже близко бы не подошел. А в советское время, при всей критике той эпохи (я сам ее много критиковал), что бы ни говорили, я мог поступать в вуз и мама даже не знала, куда я поступал. Сегодня такое исключено.

Философы оказались в стороне от таких важнейших реформ в образовании.

– Может быть, то, что с философами не посоветовались – какая-то исключительная ситуация?

– Нет, не исключительная, не советовались и по поводу реформы ВАКа. Вдруг ввели какую-то систему – никто ничего не может понять. До этого ВАК при всех его проблемах несколько лет, все-таки, пытался поднимать качество новых диссертаций. И вдруг в июле, когда люди были в отпусках, выходит постановление, которое вообще дезавуирует все предыдущие усилия. ВАК, оказывается, уже не будет проверять кандидатские, фактически человек защищает кандидатскую диссертацию у себя в совете – и процедура на этом прекращается. Демагогически, конечно, ловко сделано, потому что если вы спросите любого аспиранта, он подтвердит, что – да, так и должно быть, это же проще. И не надо никакого требуемого количества публикаций.

Мы по тем специальностям, где я председатель Экспертного совета, сумели приостановить поток халтурных диссертаций, особенно, к сожалению, приходящих из регионов, выполненных очень плохо, с обилием плагиата. А сейчас этот поток не только не будет приостановлен, он станет неконтролируемым. Документы будут поступать в министерство, а Экспертный совет может лишь проводить анализ: если несколько лет из такого-то совета будут поступать плохие диссертации, тогда мы можем этот совет закрывать. И с докторскими диссертациями непростая ситуация.

Спрашивается: нас, председателей Экспертных советов в ВАКе вместе с ректорами вузов не так уж много – что, было трудно нас собрать, перед тем как принимать такое кардинальное решение? Однако факт есть факт – уже принято и подписано. Вот такого рода вещи – волнуют. Потому что мы не знаем, где завтра «пройдется рука».

Честно говоря, здесь у меня оптимизма нет. Я не вижу ни одного позитивного шага в реформе школьного и высшего образования. Сначала ЕГЭ предлагали в школе, сейчас объявляют, что в министерстве рассматривается вопрос о введении такого ЕГЭ для бакалавров на территории всей страны. Но, может быть, сначала все-таки поговорить? Или так же – рубануть по живому?

Произошел какой-то удивительный разрыв между учеными в целом – не только философами – и людьми, которые принимают решение. Наверняка там тоже ученые присутствуют, но мы их как-то мало знаем. Мы знаем, конечно, некоторые имена, кто этим занимается, но, как правило, это либо не ученые, либо политики.

Почему же, все-таки, отсутствует экспертиза? – Мне это кажется странным, что мы живем в эпоху отсутствия гуманитарной, философской экспертизы.

Невнимание власти к философии выражается и в другом. В армии в два (если не в три) раза обещают повысить зарплату – офицер на уровне звания капитана будет получать 40 тысяч рублей в месяц. И полицейский будет получать 30-40 тысяч. У

нас, в системе высшего образования, уже более двадцати лет идет реформа, а вопрос о зарплате преподавателя не ставят. Доцент, основная фигура в высшем образовании, получает 12-15 тысяч, профессор получает 20 тысяч руб. Естественно, преподавателя вынуждают работать по совместительству, но это не улучшает качество образования! Поскольку он бежит на занятия в другой вуз вместо того, чтобы сидеть в библиотеке, читать новейшую литературу, чтобы потом нас цитировали в престижных зарубежных журналах – к чему, между прочим, нас призывают те самые реформаторы. Выходит, это веяние нашего времени – отсутствие внимания к гуманитариям, к гуманитарной экспертизе, к философскому сообществу.

– Факультет – это в первую очередь традиции. Расскажите о них.

– Традиции весьма глубокие. Если посмотреть на структуру факультета, мы отметим, что она сходна со структурой любого философского факультета мира. Однако особенности есть. Так, мощной основой образования на нашем философском факультете всегда было хорошее преподавание истории философии. Она занимала очень большое место в учебных программах и в советское время, и сейчас наши студенты из пяти лет обучения четыре с половиной года слушают курс по истории философии. Эта традиция заставляет студентов приобщаться к текстам. А вокруг этого курса формируется целый ряд теоретических дисциплин, спектр специализаций по которым очень широк – от проблематизации типов онтологии до исследования философии культуры, философии образования. Я думаю, что мы имеем преимущество по сравнению с западными университетами – опять же благодаря преподаванию истории философии.

Я неоднократно бывал в Сорбонне и, анализируя учебные планы, обратил внимание, что история философии там преподается не систематически, как у нас, а выстраивается под конкретные философские фигуры. В результате студент может оказаться в ситуации, когда он глубоко исследует, например, философию Декарта, но при этом у него отсутствует взгляд на исторический процесс в целом. Разумеется, те или иные подходы имеют свои плюсы и минусы и, в конечном счете, все упирается в талант и трудолюбие как студента, так и преподавателя. Скажем, в нашей системе есть опасность, что при недостаточно серьезном отношении студент получит лишь поверхностное представление об историко-философском процессе. А в той системе есть опасность получить ограниченное знание лишь по поводу нескольких персоналий.

Гарантия качества нашей модели должна подкрепляться фундаментальным освоением текстов, что не всегда происходит. Мы это осознаем и, думаю, мы получим новый импульс в связи с переходом к т.н. системе интегрированного магистра, когда более детально можно будет проработать систему самостоятельной работы студентов, в том числе и освоение ими классических текстов. Знание литературы будет выделено в отдельный пункт: студент должен будет изучать ее и сдавать соответствующий зачет независимо от других зачетов.

– Будущее факультета зависит не только от усилий профессорско-преподавательского коллектива, но также и от отношения государства.

– Нужна такая поддержка государства, которая позволит, прежде всего, сохранить традиции. Высшее образование не должно всецело ориентироваться на запросы работодателя (есть у некоторых идеологов высшего образования такая концепция), поскольку работодателю могут оказаться не нужными не только философы или классические филологи, но даже и теоретики физики или математики. Вряд ли Альберт Эйнштейн нашел бы сегодня спонсора, ибо с точки зрения классической физики он этим предметом не занимался. Фундаментальная наука должна оставаться самостоятельной и ее развитие должны определять ученые. Государство, поддерживая фундаментальные исследования, в какой-то степени обязано рисковать – и в организационном, и в финансовом отношении, но надо знать: стратегические выигрыши покроют тактические расходы. И классическое образование, базирующееся на фундаментальных науках, должно соответствовать этим принципам.

– Философский факультет МГУ поддерживает связи с мировым философским сообществом?

– Я встречался с крупнейшими философами Германии. К Г.-Г. Гадамеру ездил дважды, вручал ему звание почетного профессора МГУ. Мы тогда сидели за одним столом с Ю. Хабермасом, Г. Апелем, Г. Альбертом и Г.-Г. Гадамером. Хабермас недавно по моему приглашению приезжал к нам. В июне приезжал Дж. Серл, которого можно считать почти культовой фигурой по проблемам философии сознания. Кстати он читал лекцию в аудитории, оборудованной в рамках Программы развития Московского университета и эта лекция в прямом режиме транслировалась в интернете. Недавно во Франции был издан расширенный перевод, основанный на словаре, подготовленном заведующим кафедрой истории русской философии М. Маслиным, год назад в Германии была выпущена солидная монография нашего профессора А. Назарчука, посвященная медиа-коммуникациям, неоднократно и на разные языки переводились работы профессора Г. Майорова, труды вашего покорного слуги также были переведены на итальянский, английский и китайский языки.

– То есть, здесь проблем нет?

– Есть проблема, она в том, что наша страна занимает пассивную позицию в распространении собственной культуры, в том числе и философии. Например, даже в советское время было издательство, которое регулярно и большими тиражами издавало наших авторов на иностранных языках. Думаю, что и в Московском университете можно было бы такой проект реализовать.

Любопытно, что во многом западные страны сегодня являются более закрытыми, чем Россия. Мы, при всех наших трудностях, открыты для зарубежной профессуры и, когда они приезжают к нам, стараемся создать все условия для их

работы. Но, несмотря на все их обещания приглашать в ответ наших профессоров, как правило, этого не происходит.

А ведь мы неоднократно убеждались, с каким большим интересом слушают наших профессоров. Я однажды читал лекцию в католическом университете под Римом по теме – анализ восприятия Маркса в России (она, кстати, издана в Италии). Собралось порядка 800 человек, как студентов, так и преподавателей. В конце лекции я отвечал на множество вопросов.

Мы должны любить свою культуру и требовать уважения к ней со стороны представителей иных культур. Расскажу поучительный случай. Однажды меня пригласили в Сорбонну читать лекцию на немецком языке, который я немного знаю, а французского языка не знаю. Сначала было согласился, но потом задумался: почему французы приезжают к нам и читают лекции на своем языке? Они считают естественным, что мы должны подстраиваться под их культуру и заниматься обеспечением перевода. И мы дали ответ: я буду читать на своем языке, а они должны обеспечить переводчика или принять переводчика с нашей стороны. Последовала пауза, там обдумывали, а потом – приняли условия: в стенах Сорбонны звучал русский язык, работа нашего переводчика была оплачена. Не надо себя унижать, Россию и так много унижают, часто выводя ее за рамки развитой страны, в том числе, развитой в культурном отношении. Показывая уважение к своей культуре, ты обеспечиваешь уважение и со стороны других.

В этом смысле у меня двойное отношение к тому, что мы начинаем вводить чтение лекций на английском языке. Да, это частично вынужденная, оправданная мера, особенно, когда приезжают специалисты из других стран. Но почему русские люди, должны другим русским людям читать лекции на языке иной культуры? И почему наши дети сегодня лучше знают, кто такой Микки-Маус, чем героев русских сказок?

– Продвижение Болонской конвенции продолжается, соответственно, объем философии в вузовской программе сокращается. Не превратится ли курс философии для студентов в профанацию?

– Скажу то, что, как представитель философского цеха, вроде не должен был бы говорить. Что происходит в вузах на нефилософских специальностях? Берут большой курс философии и сжимают его до одного семестра. Ничего хорошего из этого не может получиться в принципе. Начинаются дискуссии – должна ли философия выбираться в вузе свободно. Считаю, что философия должна присутствовать в учебных планах хотя бы в силу того, что у нас ее не преподают в школе. Но как же, все-таки, ее преподавать в вузе?

Я не считаю, что философию следует преподавать систематически. По крайней мере, это не должна быть некая универсальная дисциплина – по единому учебнику, для всех вузов. Я убежден, что к философским проблемам можно подойти, отталкиваясь от любого учебного материала, поэтому и стандарты для преподавания философии должны быть очень гибкими. Если у вас в вузе есть хороший историк философии – будьте уверены, через историю философии он

представит все основные теоретические проблемы. Есть хороший преподаватель эстетики – он и через эстетику подведет слушателей к основам философской теории. А когда мы навязываем стандарт, да еще и регламентируем учебный процесс – это превращается в ту самую выхолощенную философию, которая скучна, непонятна и вызывает сомнения – зачем вообще нужна.

Но она нужна. У меня есть опыт общения с естественниками и свидетельствую: многие ученые тоскуют по философии, поскольку ученый всегда пытается вписать свои открытия и достижения в некую более общую, мировоззренческую парадигму. Но для этого нужно, чтобы она была. В свое время эту функцию выполнял диамат. А сегодня? Вследствие того, что распространяется «философия», свободная от всего на свете, в том числе и от той же метафизики, мы столкнулись с проблемой, что у нас философы почти не занимаются наукой. Найти того из философского клана, кто хорошо разбирается в науке – сегодня проблема.

– Кто они – ваши абитуриенты и выпускники факультета?

– Уровнем абитуриентов мы более или менее довольны, хотя и на нас отразилась тенденция – всеобщее массовое желание получить диплом о высшем образовании, а у многих еще и «откосить» от службы в армии с помощью учебы. Конкурс у нас стабильно хороший – порядка шести человек на место. Впрочем, сейчас о конкурсе судить трудно, потому что прием происходит по ЕГЭ. Реформа образования также повлияла на приток молодых людей на философский факультет: теперь выбор часто определяется не их интересом, а соображениями родителей. Если вы сдали ЕГЭ с высокими баллами и перед вами открывается возможность поступать на юридический, философский, политологический – скорее всего, мама с папой поведут вас на юридический. Поэтому эти факультеты переполнены. Собственная же мотивация абитуриента ломается. Я поступал на философский факультет три раза, но все три – по своему желанию. А сейчас можно подать документы в несколько вузов, и куда возьмут – туда абитуриент и поступает.

Кем становятся наши выпускники? Система государственного распределения отменена. Формально все философские факультеты страны готовят будущих преподавателей философии, поскольку философия обязательна во всех вузах. Но по специальности идет работать лишь маленький процент выпускников: зарплата мизерная. Проблем же у наших выпускников с трудоустройством нет, мы их встретим всюду – от пресс-секретаря президента страны (Наталья Тимакова), до успешных шоуменов – таких, как Валдис Пельш или певица Ирина Богушевская. И когда им задают вопрос – а вы бы выбрали другой путь в получении образования? – они отвечают: нет, именно философское образование вырабатывает способность к стратегическому мышлению. Таким образом, философская теория может вполне успешно соприкасаться с прагматикой. Аристотель, как известно, выделял теоретические и практические дисциплины, к последним относились, например, этика, эстетика, поэтика, политика. А как философия вообще может без практики? Она учит рассуждать, говорить. И чем

больше мы погружаемся в современный коммуникативный мир, тем эти навыки все более становятся востребованными.

– Поздравляем факультет с большим праздником!

Беседу вели Елена Терещенко и Сергей Шаракшанэ

Декабрь 2011